

Современные тенденции развития уголовно-процессуального законодательства в свете справедливой уголовной политики государства

Тимошенко А. А.,

кандидат юридических наук, доцент,
профессор кафедры Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации,
заместитель главного редактора «Российского журнала правовых исследований»
e-mail: antim1@yandex.ru

Аннотация. В статье автор рассматривает проблемы реформирования уголовно-процессуального законодательства в России и соотносит их с уголовной политикой государства. Особое внимание обращено на такие законопроекты, как введение институтов объективной истины и следственного судьи, а также вопросы гуманизации уголовно-процессуального законодательства.

Ключевые слова: уголовная политика, объективная истина, следственный судья, гуманизации законодательства.

Использованное в наименовании статьи словосочетание «развитие законодательства» обозначает ряд крупных законопроектов, которыми существенно изменяется действующая уголовно-процессуальная форма. Задача статьи состоит в соотнесении основной идеи разработчиков законодательных инициатив со справедливой уголовной политикой государства.

Здесь речь идет прежде всего об интересных для любого процессуалиста вопросах:

- тенденциях гуманизации уголовно-процессуального законодательства;
- объективной истине как цели судебной деятельности;
- перспективах института следственных судей.

Наша задача заключается не в детальном анализе законопроектов, а в попытке названным образом оценить их основную идею.

Вопрос не случайно связан с уголовной политикой государства, которая, как известно, сводится к одному, но очень важному для общества процессу — организации борьбы с преступностью в различных ее формах и проявлениях. Ключевым в этом словосочетании является термин «политика» (с древнегреческого — «государственная деятельность»), тогда и сама уголовная политика может быть, на первый взгляд, определена как форма организации государственной деятельности, осуществления публичной власти в определенных жизненно важных для общества целях.

Между тем проведенные к настоящему времени исследования, принадлежащие перу множе-

ства ученых¹, позволяют говорить об уголовной политике как о многогранном явлении, поддающимся анализу с позиций социологической школы, позитивизма, философии права.

Профессор С. С. Босхолов, подчеркивая сложность уголовной политики как объекта научного осмысления, считает что таковой являются: 1) государственная политика (доктрина) борьбы с преступностью, выраженная в соответствующих директивных актах (законах, указах Президента Российской Федерации, постановлениях Правительства Российской Федерации); 2) научная теория, а также синтез соответствующих политических, социологических и правовых знаний; 3) особый вид социальной деятельности, направленной на активное, наступательное противодействие преступности и другим правонарушениям.

Академик В. Н. Кудрявцев подчеркивал необходимость в выборе стратегий борьбы с преступностью исходить из множества факторов, как социально-экономического характера, так и непосредственно правовых, связанных с конструированием уголовного закона (уголовно-правовая политика). В этой связи любопытно резюме ученого по итогам разработки фундаментальной темы: «Справедливое общественное устройство — это единственный путь, на котором не потребуются никакие юридические стратегии»². Отсюда и уголовная политика априори должна в своем идеальном состоянии

¹ В. А. Владимиров, А. А. Герцензон, П. С. Дагель, Н. И. Загородников, Ю. И. Ляпунов, Н. А. Стручков и многие другие.

² Кудрявцев В. Н. Стратегии борьбы с преступностью. М.: Юристъ, 2003. С. 349.

признаваться справедливой, т. е. отвечающей интересам всего общества в целом в условиях отсутствия ущемления в правах отдельных групп его представителей. Тем более и для оценки самой уголовной политики всегда есть возможность обратиться с позиций соблюдения ею ценностей онтологического, бытийного порядка³.

Уголовная политика не может быть связана с появлением конкретной концепции, законодательного акта, она существует вне нормативного на уровне замыслов и идей лиц, причастных к публичным институтам, мыслителей, к мнению которых прислушиваются власти. Это ее своеобразие подчеркивал один из первых отечественных разработчиков этого понятия — профессор М. П. Чубинский, увидевший отдельные ее проявления в трудах Платона и Аристотеля⁴.

Появление в научном обороте различного рода «разработок», как то: уголовно-правовая политика⁵, уголовно-процессуальная политика⁶, криминологическая политика⁷, является, по мнению автора, обозначением отдельных проявлений уголовной политики и самостоятельного (без связи с уголовной политикой государства) значения не имеет. Попытки же придать особый статус, в частности, процессуальной политике могут быть рассмотрены как деятельность по обустройству «пышного бала» в условиях суровой действительности борьбы с преступностью. Сказанное, впрочем, не исключает необходимости конкретизации общего знания об уголовной политике в сфере построения процессуальных отраслей. В этом смысле справедливо высказывание Н. С. Алексеева, В. Г. Даева и Л. Д. Кокорева, которые, характеризуя неразрывную связь между материальным уголовным правом и правом процессуальным, признавали самостоятельное содержание последнего, что, по их мнению, требовало «конкретизации содержания политики, осуществляемой при по-

мощи каждого конкретного вида правового регулирования»⁸.

По нашему глубокому убеждению, уголовно-процессуальная политика есть элемент общей уголовной политики государства по противодействию преступности, подчинена ей и основывается на ее основных принципах (справедливости и гуманизма).

Как известно, наличие нескольких самостоятельных стратегий, генеральных линий, ориентиров к действию в условиях жестокого противостояния явному злу вредно⁹. Более того, это безусловно создает препятствия для выполнения генеральной функции государства — сохранения целостности общества¹⁰.

Теперь же посмотрим на ситуацию в целях анализа конкретных законодательных инициатив.

Так называемая либерализация уголовного и уголовно-процессуального законодательства является в ленинской классификации¹¹ реформой сверху. Внося изменения в Уголовно-процессуальный кодекс, законодатель, судя по пояснительным запискам к проектам федеральных законов №№ 336086-5 и 559740, преследовал цель защитить лишь одну социальную группу граждан — предпринимателей, обеспечить более широкое применение процедуры освобождения от уголовной ответственности в различных формах, в том числе ввиду совершения преступления в сфере предпринимательской деятельности.

В процессуальном законе предусмотрено неизвестное до того момента основание прекращения уголовного преследования за совершение экономических преступлений, посягающих на государственную казну, — возмещение причиненного ущерба гражданам, организациям и государству. Установлен также запрет на заключение под стражу подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений в сфере предпринимательской деятельности¹².

³ См. подробнее: Бочкарев С. А. Метафизика как сфера соединения науки уголовного права с наукой в целом // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2014. № 8. С. 76–77.

⁴ Чубинский М. П. Курс уголовной политики. Ярославль, 1909. С. 2–3.

⁵ См. подробнее: Новейшая уголовная политика России: теория и опыт мониторинга / Под ред. С. В. Максимова. М.: Институт государства и права РАН, 2015. С. 57–58.

⁶ В этом смысле примечательна диссертация О. З. Челосхаева, который «подчиняет» уголовно-процессуальную политику напрямую государственной политике без ориентира на уголовную политику (Челосхаев О. З. Современная уголовно-процессуальная политика: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009, С. 11).

⁷ Лопашенко Н. А. Криминологическая политика: понятие, содержание, методы, формы реализации // Реагирование на преступность: концепции, закон, практика. М.: Рос. криминолог. ассоц., 2002. С. 30–35.

⁸ Алексеев Н. С., Даев В. Г., Кокорев Л. Д. Очерк развития науки советского уголовного процесса. Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1980. С. 15.

⁹ Неслучайно А. И. Александров отмечает, что в сфере борьбы с преступностью требуется «максимальное сосредоточение сил» (Александров А. И. Философия зла и философия преступности (вопросы философии права, уголовной политики и уголовного процесса). СПб.: Изд-во СПбГУ, 2013. С. 148).

¹⁰ По мнению Л. И. Спиридонова, генеральная функция государства состоит в реализации общих дел, обеспечивающих объективные предпосылки человеческого существования (Спиридонов Л. И. Теория государства и права: Учебник. М.: ПБОЮЛ Захаров М. А., 2001. С. 47).

¹¹ А не «творчеством народных масс».

¹² Подробнее см.: Соловьев И. Н. Гуманизация законодательства, предусматривающего ответственность за совершение экономических преступлений, как «мягкая» амнистия в сфере экономики // Российский следователь. 2014. № 13. С. 35–41.

В рамках данного вектора были существенно снижены пороги санкций статей Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации, проведена декриминализация отдельных составов преступлений, в том числе экономической направленности.

Реформа процессуального закона находилась в прямой связи с изменением уголовного законодательства, а та, в свою очередь, стала следствием воплощения в жизнь заявления властей о необходимости повысить экономическую активность общества за счет ликвидации каких-либо препятствий бизнесу, снизить число лиц, содержащихся под стражей. Экономическая состоятельность такого подхода находится вне рамок нашего исследования.

Некоторые итоги реформы подвел Президент Российской Федерации В. В. Путин, выступая 14 ноября 2013 г. на заседании наблюдательного совета Агентства стратегических инициатив, отметив, что после принятия решения о наделении возможностью налоговые органы принимать участие в возбуждении уголовных дел о налоговых преступлениях эффективность возмещения налогов в бюджет равна «практически нулю» — вместо 1 млрд по Москве возмещено 4 млн руб.¹³

Свидетельством некоторой непроработанности реформы являются неподготовленность судебной системы и правоохранительных органов к гуманизации, отсутствие четких законодательных формулировок. Ярким проявлением этого стало массовое заключение под стражу лиц, подозреваемых и обвиняемых, на первый взгляд, в совершении преступлений в сфере предпринимательства. В условиях отсутствия конкретных разъяснений Верховного Суда Российской Федерации, понятных формулировок законодателя практика толкует достаточно широко понятие «предпринимательская деятельность», использованное в ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ.

К примеру, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации изменила меру пресечения с заключения под стражу на залог генеральному директору ООО «Санрайз Раша» Б., обвиняемому следственными органами в совершении преступлений, предусмотренных ст. 159, 160, 165 УК РФ. Б. вменялось 33 эпизода мошенничества, связанного с заключением от имени названной коммерческой организации без намерения исполнить договоров поставки различных товаров с целью хищения денежных средств, переданных в качестве аванса по ним. Судебная коллегия указала, что деятельность Б. с учетом требований ст. 2 ГК РФ является предпринимательской, а ссылка суда

на ч. 3 ст. 17 Конституции Российской Федерации (запрет на осуществление прав и свобод вопреки интересам других лиц) в обоснование отсутствия у Б. цели извлечь прибыль законным путем является надуманной¹⁴.

До настоящего времени остается законодательно неурегулированным справедливый подход судебных инстанций, когда требования ч. 1.1 ст. 109 УК РФ не распространяются на лиц, уличенных в хищении денежных средств, полученных участниками хозяйственного оборота по государственным и муниципальным контрактам. По логике приведенного решения Верховного Суда Российской Федерации такая деятельность должна также признаваться предпринимательской. Только изменения в закон, которыми бы разъяснялось для целей уголовного судопроизводства ключевое понятие «предпринимательская деятельность», позволят не допустить появление двойных стандартов в практике.

Также несколько нетрадиционными для правоохранительной системы являются правила, заложенные в ч. 3.2 ст. 28.1 УПК РФ (введена Федеральным законом от 08.06.2015 № 140-ФЗ¹⁵), согласно которым следователь, вынесший постановление о прекращении уголовного преследования лица в рамках так называемой «финансовой амнистии», не получивший согласия руководителя следственного органа, обязан известить о случившемся фигуру, не имеющую никакого отношения к уголовно-процессуальной деятельности, — Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей.

Отметим, что предварительного обсуждения с привлечением широкой научной общественности названных инициатив организовано не было, что пагубно сказывается на результатах правоприменения. Заметим лишь, что, согласно уже упоминавшейся позиции академика В. Н. Кудрявцева, уголовная политика должна в любом случае быть справедливой, т. е. обеспечивать сохранение устоев государства. А именно соответствие этому требованию законодательных инициатив в случае с гуманизацией, к сожалению, разработчиками законопроектов не обосновывается.

Создание же среди привлекаемых к уголовной ответственности особой группы лиц, причинившей своими действиями значительный материальный ущерб обществу и государству, в отношении которых применяются специальные (привилегированные) правила судопроиз-

¹³ URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/19625> (дата обращения: 20.07.2015).

¹⁴ См. обзор кассационной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации за второе полугодие 2010 года» № 5-О10-2016 // СПС «Консультант Плюс».

¹⁵ Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. № 24. Ст. 3367.

водства, требует как минимум значительных научных изысканий.

Однако в уголовном судопроизводстве недопустимы перекосы и противоположного свойства — направленные на установление жестких условий бесперебойного привлечения к уголовной ответственности.

Так, уже несколько лет¹⁶ обсуждается традиционная для советского уголовного процесса законодательная инициатива Следственного комитета Российской Федерации о введении в УПК РФ так называемого «института объективной истины». В настоящее время депутатом А. А. Ремезковым в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации внесен проект федерального закона № 440058-6 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением института установления объективной истины по уголовному делу»¹⁷, который до степени смешения соответствует идеям руководства следственного органа. Надо сказать, что спор об истине по судебным делам — ровесник теории доказательств. Буржуазная (в ленинский классификации) литература дореволюционной России ориентировала на поиск научной, т. е. объективной, истины в уголовном процессе, признавая, что во всех случаях ее достичь не удастся¹⁸.

Советский период характеризуется бескомпромиссностью подхода к определению уголовно-процессуальной истины: она материальна по своей философской природе и объективна по способу выражения вовне. Предельно четко истину в уголовном процессе определил М. С. Строгович, который в 1947 г. категорично писал: «...материальная истина в советском уголовном процессе есть истина в прямом смысле этого слова, и под ней подразумевается то, что вообще обозначается понятием истина — полное соответствие наших представлений и суждений объективным фактам действительности»¹⁹. Тем самым ученый, а вслед за ним и разработчики законопроекта отвергают концепцию юридической или судебной истины.

Если все же заострить внимание на природе истины, устанавливаемой в ходе уголовного судопроизводства, то обойтись без категории вероятного невозможно. Именно установление достоверности того или иного юридически значимого утверждения после изучения вероятных причин его наступления образует суть процесса доказывания, происходящего в условиях проверки след-

ственных или судебных версий. Достоверным признается «знание, точно и полно отражающее действительность в пределах, необходимых для решения конкретной познавательной задачи»²⁰.

Однако не вызывает сомнения тот факт, что достичь так называемой «лабораторной» истины по всем уголовным делам не удастся. Как утверждает Г. М. Резник: «на помощь следователю, прокурору и суду приходят совпадения каких-либо утверждений (оснований силлогизма) на основе изучения, на первый взгляд, разрозненных фактов, которые, выстраиваясь в содержательную цепочку, приводят юриста-практика к выводу о правдивости или ложности доказываемого умозаключения»²¹. И даже при неоднократном совпадении «червь» сомнения может грызть совестливого юриста: а вдруг он ошибся, тем более практике известны случаи оправдания лиц, признавшихся в совершении преступления, участвовавших в проверке показаний на месте после, казалось бы, объективного обнаружения следов преступления²².

Мотивы разработчиков законопроекта понятны: снизить число несправедливых оправдательных приговоров, устранить в судебных инстанциях последствия низкой квалификации работников следственных подразделений. Однако результаты реализации благого намерения могут оказаться плачевными.

В названных целях разработчиками предложены соответствующие формулировки. Так, суд по ходатайству сторон или по собственной инициативе должен будет восполнять неполноту доказательств в той мере, в какой это возможно в ходе судебного разбирательства, сохраняя при этом объективность и беспристрастность и не выступая на стороне обвинения или стороне защиты. При отсутствии возможности устранить неполноту доказательств в судебном разбирательстве суд возвращает уголовное дело прокурору для устранения препятствий к его рассмотрению.

Тем более что законопроект полон размытых формулировок, как то: суд должен «сохранять объективность и беспристрастность», «при отсутствии возможности» имеет право устранить неполноту доказательств в судебном заседании по собственной инициативе. Идеальное соблюдение названных норм-принципов действительно будет справедливым, как минимум по отношению к потерпевшему.

¹⁶ Библиотека криминалиста. 2012. № 4.

¹⁷ СПС «Консультант Плюс».

¹⁸ Владимиров Л. Е. Учение об уголовных доказательствах. Тула: Автограф, 2000. С. 36–47.

¹⁹ Строгович М. С. Учение о материальной истине в уголовном процессе. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1947. С. 55.

²⁰ Ларин А. М. От следственной версии к истине. М.: Юридическая литература, 1976. С. 185

²¹ Подробнее см.: Резник Г. М. Внутреннее убеждение при оценке доказательств. М.: Юридическая литература, 1977. С. 100–101.

²² Киллера, сбежавшего из «Матросской тишины», оправдали присяжные. URL: <http://www.aif.ru/society/law/1060877> (дата обращения: 03.05.2015).

В рассматриваемой ситуации соблюдение этих требований привело бы к восстановлению в соответствующей части положений УПК РСФСР 1960 г. с ответственностью судьи за чистоту обвинения, правом фактически инициировать новое уголовное преследование лица.

Однако не поставит ли это под угрозу завоевания судебной реформы в виде провозглашенной состязательности сторон?

Президент Российской Федерации В. В. Путин, выступая на торжественном собрании, посвященном празднованию 90-летия Верховного Суда Российской Федерации, отметил, что принципами осуществляемой в стране реформы являются независимость, несменяемость и неприкосновенность судей, доступность и открытость правосудия, состязательность судебного процесса²³.

Будет ли подобное справедливым по отношению к стороне защиты?

На наш взгляд, затронутая проблема так или иначе разрешается путем обращения к теории юридических фикций (предположение факта вопреки его действительности)²⁴.

Однако сразу же оговоримся, что фикция ни в коем случае не должна возводиться в разряд догмы и тем более институализироваться. Ибо такие институты могут подменить собой ценность права как такового.

Стоит признать, что в прямом смысле этого слова объективная истина в уголовном процессе по всем делам все же недостижима. На наш взгляд, перспективу будет иметь сведение предлагаемого института к норме-принципу или норме-цели уголовного судопроизводства, без конкретизации правил ее применения, ибо любой профессиональный участник уголовного процесса должен иметь юридические основания отказаться принять то или иное процессуальное решение вопреки совести, будучи не уверен в его доказательственной обоснованности. Соответствующее положение могло бы звучать следующим образом: наряду с прочим уголовное судопроизводство имеет своим назначением «быстрое и полное раскрытие и расследование преступления, а также разрешение уголовного дела о нем справедливым и беспристрастным судом».

Такой подход не будет наводить туман на проблему, а позволит мотивировать применение имеющихся механизмов обеспечения чистоты судебного приговора. Альтернативным

вариантом является наделение судьи во всех случаях, несмотря на изъятие вовлеченных в уголовный процесс лиц, обязанностью обеспечивать правозащитную функцию в уголовном процессе.

В связи с изложенным одной из основных задач уголовной политики является обеспечение не огульной, а справедливой борьбы с преступностью, без перекосов и массовых репрессий. Поэтому и законопроекты должны быть наполнены не просто идеями, а реально исполнимыми нормами.

Другим не менее знаковым событием последнего времени является идея возрождения в России института следственных судей. На первый взгляд, реформа подобного рода напрашивается. Дело все в том, что в течение последних 10 лет возникает вопрос: с какой целью государство осуществило создание дорогостоящего Следственного комитета Российской Федерации, если единого следственного органа не образовано и, видимо, не будет создано в ближайшее время, а реформа органов предварительного следствия напрашивается.

Так, начальник Следственного департамента МВД России, доктор юридических наук, профессор А. В. Савенков, выступая на научной конференции в Санкт-Петербургском государственном университете, жестко раскритиковал работу юристов в следственных органах и криминалистике, заявив, что «наши следователи знают инструкции МВД и Бастрыкина, а УПК даже не открывали»²⁵.

По сравнению с организацией следствия в прокуратуре²⁶ штат Следственного комитета Российской Федерации непомерно раздут. Так, в настоящее время предусмотрено более 23 тыс. штатных ставок работников этого государственного органа²⁷.

Лейтмотивом процесса озвучивались необходимость отделения следствия от прокурора и повышение самостоятельности следственных подразделений²⁸. В итоге реформы роль прокурора внутри ведомства взял на себя руководитель следственного органа, а самостоятельность следствия осталась лишь идеалом.

Отчасти идея выделения следствия из прокуратуры провозглашена в Концепции судебной

²³ URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/17556> (дата обращения: 03.05.2015).

²⁴ Именно таким образом и предлагает обозначать названные «несуразицы», допуская их и в некоторой степени игнорируя, известный ученый Ю. В. Голик (Голик Ю. В. Истина в уголовном праве. СПб: Юридический Центр-Пресс, 2013. С. 31).

²⁵ Пушкарская А. Никто не хочет становиться криминалистом // Коммерсантъ. 2015. 11 июня.

²⁶ До реформы следствие в прокуратуре Российской Федерации осуществляли всего 8 тыс. человек.

²⁷ Указ Президента Российской Федерации от 14.01.2011 г. № 38 «Вопросы деятельности Следственного комитета Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. № 4. Ст. 572.

²⁸ Пояснительная записка к проекту федерального закона № 401900-4 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон „О прокуратуре Российской Федерации“» // СПС «Консультант Плюс».

реформы²⁹ — именно создание объективного арбитра-прокурора внутри системы обвинительных органов позволило бы, по мнению ее разработчиков, обеспечить названное требование.

Однако на практике начинания оказались трудно реализуемыми, так как привели к созданию полувоенной организации — Следственного комитета.

Достичь самостоятельности следственной деятельности позволит, как полагает автор идеи введения института следственных судей Т. Г. Морщакова, активизация судебного контроля за предварительным следствием. В этом случае отдельные наиболее значимые полномочия (по возбуждению уголовного дела, собиранию доказательств, направлению уголовного дела в суд) будет реализовывать следственный судья — лицо, являющееся по статусу судьей, а по полномочиям — следователем.

Принятие данного предложения также устранил, как полагают разработчики, главный дефект УПК РФ — «господство на досудебных стадиях процесса стороны обвинения». Кардинальная ломка уголовно-процессуального закона предполагает среди прочего фактическое нивелирование стадии утверждения обвинительного заключения по всем уголовным делам, возрождение института возбуждения уголовного дела судьей, создание исключений из правила об исследовании всех доказательств судьей, рассматривающим уголовное дело по существу (теперь это сможет сделать следственный судья на досудебной стадии процесса). При этом предполагается, что следственный судья будет работать в отдельном судебном присутствии, не подчиняться председателю районного суда, но иметь статус такого судьи.

Для столь серьезных изменений требуется значительная научная проработка подобной инициативы. За скобками авторов законопроекта остаются многие негативные обстоятельства, которые могут наступить в случае ее одобрения.

Так, есть опасность взрастить следственного судью, равнодушного к результатам предварительного расследования (он по статусу независим, и его работа не может оцениваться по итогам расследования преступлений). В связи с этим он может на практике выступать за простое соблюдение формальностей, что в конце приведет к снижению гарантий прав личности в уголовном процессе. Только личная ответственность должностного лица органа предварительного расследования позволяет более или менее эффективно бороться с преступностью. Интересно наблюдение одного из разработчиков действующего УПК РФ

2001 г. Л. Б. Алексеевой, озвученное ею на VIII Кудрявцевских чтениях в Институте государства и права РАН. Признанный ученый уверил собравшихся в том, что надежды авторов процессуального закона не оправдались ввиду демонстрируемого судьями равнодушия к решению вопроса об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу. Использованный в судебных актах термин «обоснованное подозрение», обозначающий одно из условий для положительного разрешения соответствующего ходатайства следователя, не определен в законе, что позволяет судьям лишать свободы лиц, уверенности в причастности к совершению преступлений которых нет даже у прокурора.

Все это нивелирует на первый взгляд благое намерение — обеспечить права участников уголовного процесса, вовлеченных в него ввиду совершения преступления, не обеспечивает справедливость уголовного судопроизводства.

Выявленные недостатки в реформировании уголовного процесса связаны, в основном, с недостаточной проработкой законопроектов. Пояснительные записки к проектам федеральных законов давно уже не содержат научного анализа складывающейся в обществе криминальной обстановки, а включают в себя лишь ссылки на общепризнанные нормы-принципы, практику зарубежных стран, абстрактную целесообразность принятия того или иного законодательного решения.

Так, находящийся на рассмотрении в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации проект федерального закона «Об уголовной ответственности юридических лиц», вводя в юридический оборот понятие уголовной ответственности организаций вместо ответственности ее должностных лиц содержит ссылку на опыт различных зарубежных стран. При этом разработчиками игнорируется принятые в России отечественные принципы уголовного и уголовно-процессуального права с индивидуализацией уголовной ответственности и наказания.

Мало кто знает, что разработка соответствующего законопроекта была в 2009 г. поддержана Посольством США в России среди других проамериканских законодательных инициатив.

По нашему глубокому убеждению, принятие уголовно-процессуального закона должно быть связано с пониманием его будущей роли в борьбе с преступностью. Без этого общество обречено на дорогостоящие юридические процедуры, перетряску кадров исполнителей и расширение влияния организованной преступности.

В этой связи необходимой системой сдержек от усиления правоохранительных органов должно стать обеспечение незыблемости разделения процессуальных функций: уголовного

²⁹ Постановление Верховного Совета РСФСР от 24.10.1991 г. № 1801-1 // СПС «Консультант Плюс».

преследования, защиты и разрешения уголовных дел. Независимость адвокатской деятельности, ее обеспечение в некоторых случаях за счет государственного принуждения позволит предотвратить перекосы в правоприменительной практике. Второй немаловажной составляющей является воспитательная работа с кадрами в правоохранительных органах, их просвещение в целях формирования действительно мыслящей творческой личности рядового исполнителя, способного принимать справедливые решения. Здесь уместно привести слова известного процессуалиста профессора А. И. Александрова, который, считая борьбу с преступностью наиважнейшей задачей правоохранительных органов, не исключил, что «некий нечистоплотный сотрудник (а по существу — преступник), погнавшись за высокими показателями раскрываемости, решится нарушить закон и привлечь невинного, то никакая другая парадигма, будь то „контроль над преступностью“ или „противодействие преступности“, не удержит его от совершения преступления»³⁰.

Из сказанного ясно, что реформа уголовно-процессуального закона должна вестись осторожно и продуманно с учетом обозначенных факторов. Мы полностью поддерживаем высказывания профессора А. Д. Бойкова: «обеспечивая тот или иной статус органов уголовного преследования, процессуальное право может способствовать либо препятствовать борьбе с преступностью, а следовательно, влиять на состояние преступности и уровень защищенности граждан, общества и государства от преступных посягательств»³¹. При этом докладчик резко негативно воспринял лишение УПК РФ категории цели, а также исключение из закона такого важного ориентира для всей системы уголовного судопроизводства, как борьба с преступностью³².

Мерилом справедливости является здравый взгляд на вещи. Умение выработать его, не оказаться заложником конъюнктуры — искусство истинного юриста-законодателя, юриста-исследователя и, наконец, юриста-практика.

Список литературы

1. Александров А. И. Философия зла и философия преступности (вопросы философии права, уголовной политики и уголовного процесса). СПб.: Изд-во СПбГУ, 2013.
2. Алексеев Н. С., Даев В. Г., Кокорев Л. Д. Очерк развития науки советского уголовного процесса. Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1980.
3. Бочкарев С. А. Метафизика как сфера соединения науки уголовного права с наукой в целом // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2014. № 8. С. 75–88.
4. Владимиров Л. Е. Учение об уголовных доказательствах. Тула: Автограф, 2000.
5. Голик Ю. В. Истина в уголовном праве. СПб: Юридический Центр-Пресс, 2013.
6. Кудрявцев В. Н. Стратегии борьбы с преступностью. М., Юрист, 2003.
7. Ларин А. М. От следственной версии к истине. М.: Юридическая литература, 1976.
8. Лопашенко Н. А. Криминологическая политика: понятие, содержание, методы, формы реализации // Реагирование на преступность: концепции, закон, практика. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2002.
9. Новейшая уголовная политика России: теория и опыт мониторинга / Под ред. С. В. Максимова. М.: Институт государства и права РАН, 2015. С. 57–58.
10. Пушкарская А. Никто не хочет становиться криминалистом // Коммерсантъ. 2015. 11 июня.
11. Резник Г. М. Внутреннее убеждение при оценке доказательств. М.: Юридическая литература, 1977.
12. Соловьев И. Н. Гуманизация законодательства, предусматривающего ответственность за совершение экономических преступлений, как «мягкая» амнистия в сфере экономики // Российский следователь. 2014. № 13. С. 35–41.
13. Спиридонов Л. И. Теория государства и права: Учебник. М.: ПБОЮЛ Захаров М. А., 2001.
14. Строгович М. С. Учение о материальной истине в уголовном процессе. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1947.
15. Челосхаев О. З. Современная уголовно-процессуальная политика: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009.
16. Чубинский М. П. Курс уголовной политики. Ярославль, 1909.
17. Шульга В. И. Научно-практическая конференция «Правовая и криминологическая оценка нового УПК РФ» URL: <http://www.law.edu.ru/>
18. Тимошенко А. А. Разумность как средство от формализма в науке и практике (уголовно-процессуальный аспект) // Российский журнал правовых исследований. 2014. № 4. С. 162–169.
19. Шульц В. Л. Бочкарев С. А. «Состояние права» как объект научно-практического осмысления // Российский журнал правовых исследований. 2014. № 4. С. 13–19.
20. Шадрин В. С. Современное состояние и перспективы реформирования досудебного производства в российском уголовном процессе // Российский журнал правовых исследований. 2014. № 4. С. 133–137.
21. Павликов С. Г., Флейшер Н. Б. К вопросу о судебных ошибках // Российский журнал правовых исследований. 2015. № 1. С. 203–209.

³⁰ Александров А. И. Указ. соч. С. 145–146.

³¹ Научно-практическая конференция «Правовая и криминологическая оценка нового УПК РФ» (Цит. по: Кудрявцев В. Н. Указ. соч. С. 83).

³² Шульга В. И. Научно-практическая конференция «Правовая и криминологическая оценка нового УПК РФ». URL: <http://www.law.edu.ru/> (дата обращения: 10.04.2015).

Modern trends of development criminal procedure legislation in the light of a fair criminal policy of the state

Timoshenko A. A.,

Professor of the Academy of the Prosecutor General of the Russian Federation,
candidate of legal Sciences, associate Professor
Deputy Chief editor of the magazine «Russian journal of legal studies».
e-mail: antim1@yandex.ru

Annotation. *In the article the author considers the problems of reforming the criminal procedure legislation in Russia and relates them to the criminal policy of the state. Special attention is given to such bills as the concepts of objective truth and the investigating judge, as well as issues of humanization of the criminal procedure law.*

Keywords: *criminal policy, objective truth, the investigating judge, the humanization of the legislation.*

References

1. Aleksandrov A.I. *Filosofiya zla i filosofiya prestupnosti (voprosy filosofii prava, ugovolnoy politiki i ugovolnogo protsessa)*. SPb.: Izdatelstvo SPbGU, 2013.
2. Alekseev N.S., Daev V.G., Kokorev L.D. *Ocherk razvitiya nauki sovetskogo ugovolnogo protsessa*. Voronezh: Izd-vo Voronezh. Un-ta, 1980.
3. Bochkarev S.A. *Metafizika kak sfera soedineniya nauki ugovolnogo prava s naukoy v tselom* // Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. 2014. № 8. Pp. 75–88
4. Vladimirov L.E. *Uchenie ob ugovolnykh dokazatelstvakh*. Tula: Avtograf, 2000.
5. Golik Yu.V. *Istina v ugovolnom prave*. SPb: «Yuridicheskiy tsentr-Press», 2013.
6. Kudryavtsev V.N. *Strategii borby s prestupnostyu*. M., Yurist, 2003.
7. Larin A.M. *Ot sledstvennoy versii k istine*. M.: «Yuridicheskaya literatura», 1976.
8. Lopashenko N.A. *Kriminologicheskaya politika: ponyatie, soderzhanie, metody, formy realizatsii* // Reagirovanie na prestupnost: kontseptsii, zakon, praktika. M.: Ros. kriminolog. assots., 2002.
9. *Noveyshaya ugovolnaya politika Rossii: teoriya i opyt monitoringa* / Pod red. S.V. Maksimova. M.: Institut gosudarstva i prava RAN, 2015. Pp. 57–58.
10. Pushkarskaya A. «Nikto ne hochet stanovitsya kriminalistom» // Gazeta Kommersant. 2015. 11 iyunya.
11. Reznik G.M. *Vnutrennee ubezhdenie pri otsenke dokazatelstv*. M.: Yuridicheskaya literatura, 1977
12. Solovov I.N. *Gumanizatsiya zakonodatelstva, predusmatrivayushego otvetstvennost za sovershenie ekonomicheskikh prestupleniy, kak «myagkaya» amnistiya v sfere ekonomiki* // Rossiyskiy sledovatel. 2014. # 13. Pp. 35–41.
13. Spiridonov L.I. *Teoriya gosudarstva i prava: Uchebnik*. M.: PBOYuL Zaharov M.A., 2001.
14. Strogovich M.S. *Uchenie o materialnoy istine v ugovolnom protsesse*. M.: Izdatelstvo Akademii nauk SSSR, M., L., 1947.
15. Cheloshayev O.Z. *Sovremennaya ugovolno-protsessualnaya politika*. Avtoref. dis. ... k.yu.n. M., 2009.
16. Chubinskiy M.P. *Kurs ugovolnoy politiki*. Yaroslavl, 1909.
17. Shulga V.I. *Nauchno-prakticheskaya konferentsiya «Pravovaya i kriminologicheskaya otsenka novogo UPK RF»* // [Elektronnyy resurs] <http://www.law.edu.ru/>
18. Timoshenko A.A. *Razumnost kak sredstvo ot formalizma v nauke i praktike (ugovolno-protsessualnyy aspekt)* // Rossiyskiy zhurnal pravovykh issledovaniy. 2014. № 4. Pp. 162–169.
19. Shults V.L. *Bochkarev S.A. «Sostoyanie prava» kak obekt nauchno-prakticheskogo osmysleniya* // Rossiyskiy zhurnal pravovykh issledovaniy. 2014. № 4. Pp. 13–19.
20. Shadrin V.S. *Sovremennoe sostoyanie i perspektivy reformirovaniya dosudebnogo proizvodstva v rossiyskom ugovolnom protsesse* // Rossiyskiy zhurnal pravovykh issledovaniy. 2014. № 4. Pp. 133–137.
21. Pavlikov S.G., Fleysher N.B. *K voprosu o sudebnykh oshibkakh* // Rossiyskiy zhurnal pravovykh issledovaniy. 2015. № 1. Pp. 203–209.